

УДК 81'28

doi 10.17072/2073-6681-2019-3-47-56

СОПЕРНИЧЕСТВО В ЛЮБВИ В ЗЕРКАЛЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ (на материале говоров Русского Севера)¹

Яна Владимировна Малькова

лаборант-исследователь топонимической лаборатории

кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. yana-malkova@list.ru

SPIN-код: 2391-6261

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3511-0878>

ResearcherID: P-8937-2018

Статья поступила в редакцию 25.08.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Малькова Я. В. Соперничество в любви в зеркале диалектной лексики (на материале говоров Русского Севера) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 3. С. 47–56. doi 10.17072/2073-6681-2019-3-47-56

Please cite this article in English as:

Malkova Ya. V. Sopernichestvo v lyubvi v zerkale dialektnoy leksiki (na materiale govorov Russkogo Severa) [Reflection of Love Rivalry in Dialect Lexis (Based on Examples from the Russian North Dialects)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 3, pp. 47–56. doi 10.17072/2073-6681-2019-3-47-56 (In Russ.)

Рассматривается репрезентация в языке такого психолого-социального сценария, как соперничество в любви. В качестве материала берутся диалектные лексемы, зафиксированные на территории Русского Севера. Уделяется внимание семантическому и мотивационному аспектам анализа выбранных языковых фактов, а также производится контекстный анализ частушечных текстов, в которых репрезентирована исследуемая тема. Утверждается аксиологическая нагруженность понятия соперничества в любви в традиционном социуме при сопоставлении с языковой ситуацией в современном городском пространстве, где ведущей формой противостояния является соревнование в спорте и политике. Отмечается широкая номинативная выделенность такого компонента прототипической ситуации соперничества, как субъект, при этом подчеркивается преобладание лексем с дефиницией 'соперница в любви'. Подобная гендерная модификация объясняется пассивной ролью женщины в деревенском социуме в вопросе любовного выбора. Такое положение дел в традиционном обществе заставляет девушку включаться в борьбу за жениха. Мотивационный анализ показывает, что во внутреннюю форму исследуемых лексем преимущественно закладываются характеристики поведения соперниц (грубость обращения, причинение вреда и т. д.). Соперничество также часто концептуализируется через пространственные образы, а именно важную роль играет идея «враждебных» локусов – «напротив», «против чего-л.». Соперничество в любви является частой темой фольклорных произведений. Частушечные тексты дают своеобразный социальный типаж девушки, вступающей в борьбу за жениха. Народное сознание приписывает сопернице в любви определенные черты внешности, особенности характера и поведения.

Ключевые слова: диалектная лексика; семантика; мотивология; контекстный анализ; этнолингвистика; севернорусские говоры; народная аксиология; лексика соперничества в любви.

Данная статья посвящена рассмотрению ключевых особенностей языковой репрезентации такого феномена социальной жизни человека, как соперничество в любви, на примере языковых фактов, зафиксированных на территории Русского Севера.

Соперничество представляет собой интерес как явление, совмещающее в себе яркую акциональную составляющую (стремление превзойти кого-л. в чем-л.) и значительный эмоциональный компонент. Таким образом, соперничество ориентировано как на внутренний мир человека, так и на сосуществование людей в обществе.

В традиционном социуме наибольшей символической нагрузкой обладает соперничество в любви, о чем свидетельствует активное номинативное воплощение идеограмм 'соперник в любви', 'соперница в любви', ср. волог. *перебойник* 'соперник в любви; молодой человек, который стремится, возбуждив симпатию, любовь к себе, заставить разлюбить другого' [СВГ 7: 28], волог. *грубияночка* 'соперница': *Грубьяночка она была моя, одного мужика полюбили* [КСГРС] и др.

Таким образом, среди лексических единиц, касающихся соперничества, именно в диалектах отмечается соперничество в любви, в то время как другие виды противостояния практически не упоминаются (имеем в виду прямое лексическое воплощение понятий). Лексика, не принадлежащая сфере любовных отношений, составляет всего лишь 9 % относительно числа всех севернорусских слов со значением соперничества: волог. *упевать* 'стараться одержать верх над соперником в пении частушек, перепевать': *Сударушку плясали парень с девкой, Он тебя упевает, а ты его* [СВГ 11: 130]², костром. *не быть* 'не соперничать': *Мужику против ахадемика не быть* [СГКЗ: 232].

Если говорить об **устройстве семантического пространства** в данном фрагменте лексической системы, то нужно отметить, что его центром, безусловно, являются обозначения субъектов ситуации соперничества: новг., волог. *сво́яня* 'соперница в любви' [СРНГ 36: 329], волог. *злодейка* 'соперница' [СВГ 2: 172], волог. *перебейник* 'соперник в любви; молодой человек, который стремится, возбуждив симпатию, любовь к себе, заставить разлюбить другого' [СВГ 7: 28]. Обозначения соперничающих девушек и парней составляют 81 % числа лексем, входящих в исследуемое поле.

Наименования действий, связанных со стремлением превзойти соперника в любви, составляют периферию поля: арх. *перебой*, волог., пск., смол., арх., р. Урал, твер., новг., влад., яросл. *на, в перебой идти* 'соперничество в любовных отношениях, сватовстве' [СРНГ 26: 28–29], костром. *пере-*

бивать 'отбивать от кого-либо, привлекать на свою сторону': *Как бы ты, подруженька, / Была бы мне не милая, / Я давно бы у тебя / Перебила милого* [СРНГ 26: 25–26], ленингр., арх. *отсушить* 'колдовством заставить разлюбить кого-н., разлучить с кем-н.' [СРГК 4: 334].

Стоит обратить внимание на асимметрию в распределении лексики по секторам поля. Значительное преобладание наименований субъектов соперничества обусловлено, во-первых, экспрессивностью самого понятия, которое стоит за языковыми фактами. С другой стороны, устойчивость данной идеограммы связана с ее активным бытованием в фольклоре, в частушечных текстах, о которых подробнее будет сказано ниже.

Внутри выделенных семантических областей существуют модификации по гендерным характеристикам. Лексем с дефиницией 'соперник' составляют 10 % материала, а 'соперница' – 90 % (относительно числа всех лексем с дефинициями 'соперник', 'соперница').

Такое соотношение, по-видимому, обусловлено представлениями о любовных отношениях в традиционном обществе. В данном типе социума выбор обычно диктуется мужчиной и именно мужчина обладает правом посвататься. Этот фактор заставляет женщину включаться в борьбу, поскольку ее права в любовном выборе значительно ограничены. Кроме того, патриархальное общество навязывает высокий, главенствующий статус мужчины, что обуславливает борьбу женщин за мужчину, а не наоборот. Ср. контексты: волог. *У девки, коль парень хороший, супостаток много* [СВГ 10: 158], костр. *Жанихато у меня перебейка увела* [СГКЗ: 272].

Отметим и то, что неприязнь в народной культуре жестко связана с определенными сценариями. *Соперница* является героиней фольклорных произведений. Существует особый фольклорный жанр *наветка* – частушка, исполняемая на молодежных гуляниях и содержащая в себе сообщение о любовных взаимоотношениях (обычно конфликтных) исполняющего с другим участником беседы. Подробно этот жанр был описан Е. Л. Березович и Т. В. Леонтьевой [Березович, Леонтьева 2016, 2017]. Отмечается, что исполнительницами *наветок* чаще всего являются незамужние девушки-соперницы в любви, «которые ведут диалог, сплошь состоящий из колкостей, острот, угроз» [Березович, Леонтьева 2016: 49]. Фольклорное, текстовое закрепление данной социальной роли также способствует лексикализации понятия.

Однако значима и символическая роль *наветок*. Исполнение таких частушек является своеобразным словесным поединком, протекающим между соперницами в любви. Зачастую *наветки*

содержат вызов, оскорбления и угрозы [Березович, Леонтьева 2016: 49–50].

Говоря о более «пассивном» положении женщины и особых способах борьбы в сфере любовных взаимоотношений, можно в качестве параллели привести другие жанры традиционной культуры, связанные с выбором в любви и определением семейного будущего. Это, во-первых, гадания, причем Л. Н. Виноградова отмечает, что «наиболее массовой и подробно разработанной может быть признана группа матримониальных гаданий, совершаемых молодежью (преимущественно девушками)» [СД 1: 483]. Широко применялись различные виды любовной магии: для того чтобы привлечь жениха, чтобы муж не изменял, чтобы разлучить мужчину с любовницей и т. д. [СД 3: 154]. Существовало множество ритуальных действий, направленных на предотвращение безбрачия и избавление от него (см. подробнее: [Гура 2011: 36–38]).

Безусловно, значимым фактором для формирования *соперничества* является и негативное отношение к безбрачию в традиционной культуре вообще (см. об этом, например: [Гура 2011: 33–35; Зверева 2013: 29–31 и др.]).

О *соперничестве* реже говорится в том случае, когда мужчина с женщиной уже состоят в браке, ср. волог. *статеечка* ‘разлучница’: *Статеечка мужа у неё увела. Так теперь одна и живёт* [СВГ 10: 123]. Однако измена мужа может заставить включиться в борьбу жену. В традиционной культуре «прелюбодеяние мужа не ставит под угрозу институт брака» и в то же время «к разведенным и брошенным женам относились с презрением» [СД 4: 614]. Именно поэтому женщина стремится вернуть мужа в семью: смол. *посёстра* ‘любовница; соперница’: *Усе к пасёстри ходить яе мужык. Ну тока устречу яе, я ей пькажу, как мужжоу адбивать* [ССГ 8: 180–181].

Обратимся к рассмотрению **мотивационного своеобразия** лексики со значением соперничества.

При концептуализации любовного соперничества широко используются **социальные мотивы**, потому как оно непосредственным образом соотносится с существованием людей в обществе.

В языке могут закрепляться представления о **поведении людей**, вступающих в борьбу, своеобразная оценка их действий. Так, соперникам приписывается **грубое, дерзкое**, неприемлемое обращение, ср. волог. *грубиянка, грубияночка* ‘соперница’: *Грубияночка она была моя, одного мужика полюбили* [КСГРС]. Действия соперников понимаются как **причинение вреда, зла**: волог., яросл. *лиходейка* ‘соперница’ [СРНГ 17: 78], волог. *лиходеичка* ‘то же’: *Супостатка та, если отбивает кавалера, модёная, лиходеичка* –

та же супостаточка [СГРС 7: 108]; волог. *лодэйка* ‘то же’: *Дроля венчался, взял лодэйку мою* [СВГ 2: 172].

Значительное число обозначений субъектов соперничества в любви образовано от глагола *бить* (и родственных слов), что указывает на представление о **перехвате**, как, например, в волог. *перебейка* ‘соперница; девушка, отбивающая парней’ [КСГРС], костр. *перебойка* ‘девушка, отбившая у кого-л. парня’, *перебоёчка* ‘соперница в любви’ [ЛКТЭ], волог. *перебёюшка* ‘соперница в любви; девушка, которая стремится, возбуждая симпатию, любовь к себе, заставить разлюбить другую’ [СВГ 7: 28], костр. *перебивать* ‘отбивать, уводить невесту или жениха’: *Перебивает жениха – соперница, говорит, перебьёт* [ЛКТЭ]. Идею физического противостояния поддерживает и арх. *отоймать* ‘отбить кого-либо’: *Девки сердятся на нас, / Вы сердитесь, не сердитесь, / Отоймем ребят у вас* [СРНГ 24: 253].

Соперница в любви не отличается постоянством в поведении, для нее характерно выбирать то одного человека, то другого, **постоянно вступать в новые отношения**: костром. *переборщица* ‘разлучница, соперница’ [СГКЗ: 273]. Такая девушка может характеризоваться **льстивым, угодливым поведением**, стремлением приблизиться к молодому человеку: волог. *подмазуля* ‘соперница’ [КСГРС], ср. сев.-двин., яросл. *подмазывать* ‘лестить кому-л.; подольщаться, подмазываться’ [СРНГ 28: 74].

Присутствует в рассматриваемом семантическом пространстве **мотив родства**, как в новг., волог. *своьяня* ‘соперница в любви’ [СРНГ 36: 329], костр. *своячина* ‘соперница, девушка, стремящаяся отбить парня у другой’ [ЛКТЭ], которые, вероятно, имеют связи с костр. *своя* ‘родственница со стороны мужа (жены)’ [там же].

Возможно, данные мотивационные линии объясняются тем, что в представлении языка соперники и соперницы становятся как бы родственниками по парню или по девушке, ср. также олон. *попáрицик* ‘тот, кто соперничает с кем-л., ухаживая за девушкой; соперник-ровесник’ [СРНГ 29: 298]. С. М. Толстая, исследуя дериваты прасл. **svojь*, отмечает, что больше всего продолжений корня в славянских языках находим в сфере обозначения брачного родства [Толстая 2008а: 33]. Поскольку же сфера выбора партнера и свадьбы, брака близки и находятся в постоянном пересечении, то можно предполагать существование подобного перехода.

Может быть важна и другая причина, а именно следы древнего права мужских родственников жениха на невесту [СД 1: 245]. Широко известен факт возможного сожителства женщины с родственниками мужа, а именно отцом или братья-

ми [СД 4: 614–615]. Такой тип конфликтов является одним из самых тяжелых среди семейных и потому обращает на себя особое внимание.

В концептуализации идеи соперничества играют важную роль **пространственные образы**.

Центральным мотивом является **положение «напротив»**, ср. арх., печор., карел., новг., пск., зап.-брян., смол., яросл., перм., ср.-приирт., иркут. *супротивница* ‘соперница в любви’ [СРНГ 42: 262], арх., вят., ленингр. *сопротивница* ‘недоброжелательница; соперница’ [СРНГ 40: 6], волог. *супротивница* ‘соперница в любви’ [СРНГ 42: 261]. Волог. лексема *противная* в знач. сущ. ‘соперница’ [СВГ 8: 97] может быть связана как с семантикой противоположности, так и с обозначением отвращения, которое вызывает соперница у второй девушки.

Локус против чего-л. наделяется в традиционной культуре отрицательными оценками, поскольку маркирует «чужое» пространство [СД 4: 304]. При обозначении соперничества главным, как кажется, является то, что объект, расположенный напротив, осознается как нечто, что преграждает путь, а значит, противодействует, проявляет агрессию. В языковом представлении соперничества в любви мотивы враждебности, причинения вреда играют одну из ключевых ролей, ср. костром. *О-ё-ё-ё-еньки, да, / О-ё-ё-ё- ё-ей. / Ой, какое горюшка, да / У миня у маладой. / Пириборщица сидит, / У самой переборочка. / Падайду – и палятят / С галавы гребёначки* [СГКЗ: 273], перм., ср. Прииртышье *Супротивницу мою изведу да иссушу* [СРНГ 42: 262], иркут., свердл. *супера* ‘соперница в любви’: *Я свою суперу Веру посажу на небеса, посиди, моя супера, повытучивай глаза* (частушка) [там же: 249].

Близкую к пространственной семантику дают лексемы волог. *супостат* ‘соперник в любовных отношениях’ [СВГ 10: 158], *супостатка* ‘соперница в любовных отношениях’ [там же], *супостаточка* волог. ‘то же’ [там же], костром. ‘то же’ [СГКЗ: 371], волог. *статечка* ‘разлучница’ [СВГ 10: 123]. Как отмечается в этимологической литературе, устар. и высок. литер. *супостат* ‘противник, недруг’ происходит от **so-* и *po-statъ, которое связано с рус. *стать* [ТСЛРЯ 2007: 959]. Соперники, таким образом, представляются в языке как люди, стоящие друг напротив друга. Такое положение также рождает символическую оценку отношений между субъектами ситуации как враждебных.

Отметим при этом, что в целом рассмотренные выше лексемы могут иметь также семантику вражды, ср., например, сев.-двин., волог., новг., зап.-брян., смол., яросл., костр., вят., урал., иркут. *супротивник* ‘противник, враг, неприятель’: *Едет по полю, просит себе сильного супротив-*

ника повоевать [СРНГ 42: 262], арх. *сопротивничек* фолькл. ласк. ‘достойный противник’: *Да искал он себе да поединничка, Поединничка себе да сопротивничка* [СРНГ 40: 6], а также встречающиеся на другой территории новг., твер., пск. *супротивница* ‘женск. к противник, враг, неприятель’: *Не заводи, милой, гулянья У окошек у своих, Я большая супротивница Родителям твоим* [СРНГ 42: 262]; волог. *супостатель* ‘противник, недруг, неприятель, враг’: *Сохрани, Христос истинный, От врага супостателя, От злых от лихих людей* [Диалекторский: 490], *супостатка* ‘злодейка, враг, противница, недруг’: *Посылает ко мне мать верную служанку, / Свою верную служанку, мою супостатку...* [там же]. Если рассматривать приведенные лексемы как многозначные, то можно предположить семантический переход ‘враг’ → ‘соперник’ при смене сферы функционирования лексем. Пространственную же символику в таком случае следует рассматривать как более древний пласт развития значения. Однозначно принять эту версию мешает преимущественное бытование лексики вражды в фольклорных текстах, а именно в исторических песнях.

Мотивировочный признак, заложенный в словах со значением ‘разлучить с помощью магических действий’, может относиться к сфере **магических действий**, поскольку данные лексемы принадлежат периферии поля. Так, например, с идеей магического «знания» связано волог. *ознатовать* ‘по суеверным представлениям: подчинить колдовской волшебной силе; околдовать’: *Вот выйдет замуж, какая соперница найдется, ознатует, чтоб не любил муж* [СРГК 4: 166].

Однако подобные лексемы могут быть образованы и по иной модели, указывающей на особенности эмоционального мира человека. Так, арх., ленингр. *отсушить* ‘колдовством заставить разлюбить кого-н., разлучить с кем-н.’ [СРГК 4: 334] связано с целым рядом слов с корнем *-сух-*, имеющих семантику любви, а также любовных заговоров. По мнению С. М. Толстой, любовные переживания номинируются с помощью значения *сухого*, поскольку из-за душевных страданий может возникнуть «иссушение» плоти [Толстая 2008б: 56–57].

Обращает на себя внимание сравнительно небольшое число мотивационных моделей, представленных в рамках данного поля. Более того, как кажется, подавляющее большинство из них находит отражение и на других территориях. Приведем некоторые данные:

1) поведение: заурал., ср.-урал. *грубиян* ‘соперник в любви’ [СРНГ 7: 156], урал., новосиб. *грубиянка* ‘соперница в любви’ [там же], яросл. *лиходейка, лиходеечка* ‘соперница’ [ЯОС 6: 7],

новг. *злодейка* 'та, которая соперничает с кем-л., добиваясь любви какого-л. мужчины; соперница' [НОС: 335], твер. *перебейка* 'соперница' [СРНГ 26: 24];

2) мотив родства: новг. *свойк* 'соперник' [НОС: 1067], *своечка* 'соперница в любви' [там же], *свойночка* уменьш.-ласк. 'соперница в любви' [СРНГ 36: 329], ленингр., новг. *свойня* 'соперница' [СРГК 6: 20], а также отсутствующие на исследуемых территориях смол. *пасестра*, пск., курск. *пасёстра* 'любовница; соперница' [СРНГ 25: 253];

3) пространственный код: новг. *супротивник* 'тот, кто соперничает с кем-л., добиваясь любви какой-л. женщины; соперник' [НОС: 1161], *супротивница* новг. 'женск. к *супротивник*' [там же], перм. 'соперница' [СПГ 2: 420], а также не представленные на Русском Севере новг. *поперёчница* 'соперница': *Вот супостат-то приехал и с подругой стал гулять. Я её, поперёчницу, до самой её смерти ненавидела* [НОС: 905].

Вероятно, такое положение дел можно объяснить бытованием подавляющего большинства исследуемых лексем в фольклоре. Как отмечает С. Б. Адоньева, «определение ролей при описании отношений между девушками и парнями в спонтанной диалогической речи заимствуется из частушечного словаря» [Адоньева 2004: 160]. Небольшое количество мотивационных моделей и незначительные территориальные различия объясняются устойчивостью фольклорных текстов и их бытованием в разных областях.

Анализ лексического материала и текстовых высказываний позволяет предполагать, что существует некий **социальный типаж соперницы** (о существовании особых социальных типов в разных культурах см., например: [Еремина, Леонтьева, Щетинина 2018]). Набор устойчивых характеристик человека, вступающего в соперничество в любви, дают посвященные любовным переживаниям частушечные тексты, о которых было сказано ранее. Выделение основных мотивов приводит к выводу о существовании неких обобщенных представлений о сопернице.

В текстах чаще всего находят отражение пейоративные характеристики соперницы: волог. *Пошел милый к супостаточке / Назад-то оглянись, / После ягодки-земляночки / Пошел рябину исть* [СПЧ: 180]; *Меня хаёт и ругает... / Хоть бы хаял человек; / Меня хаёт супротивница, / Которой хуже нет!* [Симаков: 144]; волог. *Изменил мене милёнок, / Думал в гору поднялся. / Ниже среднего спустился – / За последнюю взял* [ЭМТЭ].

Сопернице могут приписываться определенные **особенности внешности**. Она некрасива (*Супостатка, не модей, / Не красивее людей!* /

Супостаткина краса – / Только черные глаза [Симаков: 139]; костр. *Свойчина моя, свойчина хвалёная, семи водами умываешься – и всё зелёная* [ЛКТЭ]); имеет плохую фигуру (волог. *Грубьяночки не знала – / Вот она которая! / Ить какая подмазуля / Широкоподолая!* [КСГРС]; костр. *Перебойка звонкая, / Как иголка тонкая, / Как с крыши перекладаина, / Ещё смеётся, гадина* [ЛКТЭ]); низкорослая (волог. *Лиходеечка моя маленького ростика. / Она похожа на собачку, / Только нету хвостика* [ЭМТЭ]); лупоглазая (костр. *Ты, подружка моя Ньюшка, / Лупоглазая сова, / Думаешь, отбила дролю, / А я бросила сама* [там же]). Соперница бедна, у нее мало красивых вещей (*Супостаточка бела, / Бела и обходительна; / Из одного платица / Никогда не выходила* [Симаков: 140]; волог. *Супостаточка заносится, / Бруслетка на руке / Все именье ее знаю – / Мыши ходят в сундуке* [ЭМТЭ]).

Исполнительница частушки может осмеивать манеру говорить соперницы: *Про меня подружка судит, / Что я плохо говорю; / Её, штокальницу, миленький / Не любит самою* [Симаков: 144].

Тем не менее в текстах иногда содержится и **положительная характеристика** соперницы, признание за ней достоинств. Так, противница может представляться как красивая девушка, которая способна конкурировать с исполнительницей частушки (волог. *Супостатка хороша, я ее не хуже. / Попадетя на дороге – / Закупаю в луже* [СПЧ: 162]). Соперница модно одета (*Супостаточка модна – / Гребенкам утыкается, / На высоких каблуках / Ходит вытягается* [Симаков: 139]), накрашена (волог. *Супостаточка-мазилочка / Мазилу пролила. / Больше разу не намажется, / Посмотрим, какова* [ЭМТЭ]). «Принаряживание» соперницы чаще осмеивается и расценивается как желание привлечь к себе внимание (*Супротивница-заброта / Забротила сарафан. / Она за ягодкой гоняется, / Да я то не отдам!* [Симаков: 135]), жеманство (волог. *Супостаточка моя / Модная-премодная / Изогнулась, извилась, / Как вица огородная* [ЭМТЭ]). Однако в то же время, чтобы обойти соперницу, необходимо одеться лучше и красивее ее (*Голубое свое платье / Переделу на капот; / Перебью у супостаточки – / Наделаю хлопот!* [Симаков: 134]).

Соперница чаще моложе исполнительницы частушки (*Девушка-подружка, / Не тронь-ка моего. / Тебе годиков не много, / Дождидайка-сь своего!* [там же: 133], *Подруженька, ой! / У нас с тобой один любой! / Ты постарее меня, / Уступи-ка для меня!* [там же]). В данных текстах отражено существование особой народной установки на то, что девушка должна выйти замуж в определенном возрасте. В частушках может от-

ражаться и представление об очередности выхода замуж в семье: младшая сестра должна выйти замуж после старшей (волог. *Под окошечком костер, / Милашка любит двух сестер. / Упала щепка с костра – / Отбила младшая сестра* [СПЧ: 162]).

Сопернице приписываются определенные **черты характера**. В первую очередь, это **хитрость** (*Я сижусь не весела, / Молодая девушка: / Навязалась на меня, / Хитра перебеечка* [Симаков: 136]). Соперница часто говорит неправду, стремится очернить свою противницу (*Я к обеде ходила, / Дорожка не проторная; / Подружка милому сказала, / Что я не проворная* [там же: 137]; *Подружка, милая моя, / Похвали дружку меня! / Подружка хитрая была, / Дружку расхаяла меня* [там же]) или же напрасно пообещать любовь парню (*Не гляди, милый, на это, / Что подружка учит; / Она любить тебя не станет, / Только нас разлучит* [там же: 140]).

Соперница проявляет **высокомерие, ведет себя заносчиво** по отношению к своей противнице: *Перебеечка идёт, / Идёт и не поклонится. / Она боится поклониться – / Шея переломится* [ЛКТЭ]; *Супостатка, не куражься, / Ну, какая тебе честь: / У тя сряду и наряду, – / Одно платье красно есть!* [Симаков: 145]. Она насмехается над второй девушкой, осознавая собственное превосходство: *Грубиночка моя / Ходит, как бандиточка, / Она смеется надо мной, / Такая паразиточка* [ЭМТЭ].

Если говорить об особенностях **поведения соперницы**, то она постоянно пытается **причинить вред конкурентке**, ср. *Супыстаточка за дробечку / Паленом хочет бить. / Я супыстаточки сказала: / Всё равно буду любить* [СГКЗ: 371]; *Полно, милая подружка, / Предо мной канаву рыть; / «Канаву рой, – того гляди, / Туда сама не попади!»* [Симаков: 142]. Разными способами она пытается добиться внимания молодого человека: *Супостаточка за миленьким / С бутылочкой бежит; / Ты не пей-ко, милый, воточки: / Она приворожит!* [там же: 140].

Соперница **отстаивает свои права** в борьбе за молодого человека, утверждает равные возможности девушек в любовном выборе: волог. *Супостатка, из-за дроли / Не кляни и не ругай; / Сундучок купи окованный / Да дролю запирай!* [СПЧ: 177].

Среди общих характеристик соперницы также выделяется то, что она может быть приезжей или из соседней деревни: *Ты, гостейка, не модей, / У нас ребят не перебей! / На денек приехала, / На перебой поехала!* [Симаков: 135]; волог. *Супостатка прибежала / Из чужой деревушки, / Я даю рекомендацию: / Гоните, девушки!* [ЭМТЭ].

Исполнительница частушки может высмеивать соперницу за то, что та не обладает качествами, которые особенно ценятся в традиционном социуме. Она плохая хозяйка (волог. *Супротивница смеется, / А сама-то какова? / Две недели пришивала / К белой кофте рукава* [СПЧ: 177]; *Супостаточка моя / Не садовый яблычек: / Полторы недели шила / На машине фартучек* [Симаков: 138]), не умеет исполнять частушки (волог. *Милый, вашей ухажерочке / Не спеть и не сплясать: / Она сидит, повесив голову, / Не знает, что сказать* [ЭМТЭ]).

Итак, анализ русской вербальной традиции показывает важное положение идеи соперничества в любви в традиционном социуме. Однако, поскольку соперничество является одним из важнейших социальных феноменов, можно предполагать, что разные формы общественной жизни обуславливают акцентирование различных видов соперничества. Действительно, сферы столкновения интересов людей принципиально различаются в зависимости от условий, в которых человек живет, от ценностей и задач, предлагаемых тем или иным укладом. Таким образом, вероятно, ведущее положение лексики соперничества в любви во всем массиве языковых фактов, связанных с воплощением соревновательности и вражды, характерно не для всех культур. Попробуем обосновать данное положение.

Изучение специфики соперничества в разных обществах требует отдельного объемного исследования, которое невозможно вместить в рамки одной статьи. Тем не менее приведем некоторые показательные примеры, подтверждающие нашу гипотезу.

Мы осуществили пилотную выборку контекстов из Национального корпуса русского языка с лексемами *соперник* и *соперница*. Предварительный подсчет числа контекстов, связанных с той или иной тематической областью, показывает, что ведущей сферой в современном городском дискурсе, где проявляется соперничество, является сфера профессионального спорта (37 % относительно числа всех контекстов в исследованной выборке): *В пиковые эпизоды аргентинцы отлично сочетали агрессию с хладнокровием и неизменно забивали нужный – “тот самый” – мяч, который помогал им отразить очередную эмоциональную атаку соперника и сохранить инициативу за собой* [Дмитрий Навоша. Маньяно у Карла украл победу. DreamTeam терпит первое поражение в истории // Известия. 2002.09.05]³. При этом зачастую слово *соперник* употребляется в собирательном значении: *Но позволив сопернику размочить счёт, наши только сильнее разозлились и в четвёртой партии просто разгромили бразильскую команду*

[Семен Новопрудский. Два прихлопа. Сборная России по волейболу впервые выиграла Мировую лигу // Известия. 2002.08.19].

Зачастую о *соперничестве* говорится в контексте политической борьбы (14 % контекстов): *Однако в Берлине не созывают совещаний, посвящённых пугающему росту антигерманских настроений. Ревность к удачливому сопернику тоже аргумент сомнительный. Положим, наша страна действительно соперничала с США и досоперничалась до нынешнего лютого антиамериканизма. Но это не объясняет антиамериканских настроений в тех странах, которые в силу объективных причин соперничать с США были в принципе не в состоянии* [Максим Соколов. Меня уже никто не любит. Колонка обозревателя // Известия. 2002.09.25]; *Выяснилось, что на трибунах для почётных гостей могут одновременно оказаться и нынешний президент Жак Ширак, и его неудачливый соперник на последних выборах, бывший премьер-социалист Лионель Жоспен* [Эльмар Гусейнов. Тарпищев пообещал водку и икру от Ельцина // Известия. 2002.11.27].

21 % материала составляют контексты, содержащие указание на соперничество в любви: *Далее шла подружка и соперница Лилечка. Маецкий, которого она у Лилечки увела. Известный режиссёр* [Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995–2000)].

Остальные сферы не отличаются столь значительной наполненностью, но представлено также соперничество профессиональное, а также возникшее по разным причинам на бытовой почве.

Русские диалекты дают иную картину. Действительно, особенности социальной жизни обуславливают возникновение тех или иных форм соперничества или их полное отсутствие. Так, в имеющихся у нас диалектных данных нет лексики, обозначающей соперничество по идеологическим и политическим причинам.

Спортивное соревнование в той форме, в которой оно существует в современном городе, также не свойственно традиционному укладу. Спорт предполагает жесткое противостояние, обусловленное стремлением доказать собственное превосходство. Такая форма соревновательности рождается на профессиональной почве, а также зачастую имеет точки соприкосновения с политическим противостоянием.

В традиционном обществе, как кажется, не существует такого рода конфликта. Спортивные состязания можно сопоставить с некоторыми видами игр (например, игры с соревнованием), однако все они осуществляют иные функции. Как известно, народные игры служат для социализации и консолидации в обществе, имеют развлекательные цели, а также могут быть связаны с

магическими ритуалами, будучи сопряженными с обрядом [СД 2: 382].

По-видимому, подобные устоявшиеся в культуре функции игр и соревнований снимают негативную составляющую в отношениях между участниками. Именно поэтому соперничество не получает в данном случае особого номинативного воплощения и по своим свойствам сближается с партнерством, ср. характерный пример: *костр. стёнка, в стёнку* ‘детская игра, цель которой кинуть монетку об стену так, чтобы она, отскочив, попала как можно ближе к монетке соперника’: *В стёнку играешь: берёшь денежки, об стёнку – и далёко ли упадёт. А другому надо к твоей поближе. Он кинул – и если четвертью от твоей можно достать – забирает* [ЛКТЭ].

В диалектной лексической системе, как кажется, иначе, чем в современном городском дискурсе, воплощается идея соперничества на профессиональном поприще. Как отмечает М. А. Еремина, трудовая деятельность может представляться в диалектах «как своего рода соревнование между субъектами труда» [Еремина 2003: 101], однако умение оказаться впереди остальных, проявить особое усердие и превзойти остальных оценивается положительно [там же]. Очевидно, существуют некоторые различия в восприятии труда в разных культурах. Традиционной общинности в некоторой степени противопоставлено более индивидуализированное современное сознание. Деревенскому обществу, по нашей гипотезе, в большей степени присущи коллективный характер труда и ориентированность на общий результат в противопоставление индивидуальным стремлениям к преуспеванию и межличностной борьбе в городском социуме. По мнению М. А. Ереминой, основными условиями деревенского труда «являются коллектив, а также отношения одновременно согласия и соревнования между его членами» [там же]. Тем не менее нельзя не отметить, что поднятая проблема является очень обширной и заслуживает отдельного изучения.

Понимание соперничества также может меняться в разные эпохи. Так, например, в русских диалектах слова волог., новг. *супостат* ‘о сопернике в любви’ [СРНГ 42: 255–256], арх., печор., карел., новг., пск., зап.-брян., смол., яросл., перм., иркут. *супротивница* ‘соперница в любви’ [там же: 262], волог. *лиходеичка* ‘соперница’: *Супостатка та, если отбивает кавалера, модёная, лиходеичка – та же супостаточка* [СГРС 7: 108] употребляются, как мы можем отметить, в контексте бытовых взаимоотношений. Однако в древнерусском языке эта лексика использовалась в военном и религиозном дискурсе и обозначала более острые формы противостояния, ср.

сжпостать ‘неприятель, враг’: *Сжпостати наши попраши стбню твож, Аще воины Хви есмъ, пжтьмъ истины, троуда длъжьни есмъ ходити и мжжьскы стокути на сжпостата нашего, Соупостатъ нашъ дьяволъ, ‘враг, дьявол’, ‘противник, противоборец (в переносн. знач.)’* [Срезневский 3: 620–621]; *сжпротивъникъ* ‘враг, противник’, ‘дьявол’: *Побъдивъ мирьскую похоть и миродержьця князя вьга сего, супротивника* [там же: 623], *сжпротивънии* ‘в знач. сущ. враг, неприятель’, ‘противник’: *Иуова вельчства пргвъзвышамтиса сжпротивноуоумоу, ‘враг, дьявол’: Избави ихъ древнаа прельсти и козни соупротивнаго* [там же: 624]; *лиходгъи*: *Кто лиходгъи великихъ князеи побъжитъ изъ Русской земли..., и Новгороду тыхъ лиходгъевъ не приимати* [Срезневский 2: 28]⁴.

Итак, обобщая вышесказанное, отметим, что соперничество в любви занимает важнейшее положение в традиционной культуре. Именно противостояние на почве выбора пары получает особое лексическое выражение (по сравнению с другими формами борьбы), осмысление в фольклоре, а также имеет множество форм акционального выражения. По-видимому, такое положение дел характерно именно для диалектного дискурса.

Соперничество в любви в большей степени мыслится, по данным говоров Русского Севера, как женское «занятие», поскольку возможности женщин в выборе значительно ограничены. Противостояние происходит, как правило, в форме частушечного агона, где девушки могут высказать свои догадки об измене, обнаружить свои чувства и эмоции.

В частушках формируется устойчивый образ соперницы в любви. Как правило, представление о противнице наполнено отрицательными коннотациями, ей приписываются различные негативные черты внешности, характера и поведения.

Примечания

¹ Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/ПЧ «Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным», поддержанного Минобрнауки РФ.

² Подчеркнем, что такой вид соперничества, в свою очередь, является уникальным для деревенского социума.

³ Здесь и далее данные из НКРЯ приводятся без паспортизации.

⁴ Отметим также и то, что такие значения фиксируются диалектными словарями, однако контексты показывают, что употребляются подобные лексемы преимущественно в составе исторических песен и былин: перм., волог. *супо-*

статель ‘супостат, неприятель, враг’: *Уж мы ждали неприятеля, Неприятеля да супостателя короля шведского* [СРНГ 42: 256], *супротивник* томск. ‘противник, враг, неприятель’: *Едет по полю, просит себе сильного супротивника повоевать, олон. ‘участник поединка’: Выкликает он поединцица, супротив себя да супротивника* [там же: 262].

Список источников

Дилакторский – *Словарь* областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А. И. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006. 677 с.

КСГРС – *картотека* Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ – *лексическая* картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

НКРЯ – *Национальный* корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.07.2019).

НОС – *Новгородский* областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

СВГ – *Словарь* вологодских говоров: в 12 т. / под ред. Л. Ю. Зориной, Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

СГКЗ – *Ганцовская Н. С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова; М.: Кн. клуб Книгоvek, 2015. 512 с.

СГРС – *Словарь* говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. Т. 1–.

СД – *Славянские древности: этнолингвистический словарь*: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 1995–2012.

Симаков – *Симаков В. И.* Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерний. Ярославль: Тип. К. Ф. Некрасова, 1913. 673 с.

СПЧ – *Сказки, песни, частушки* Вологодского края / под ред. В. В. Гура. Вологда: Северо-Зап. кн. изд-во, 1965. 331 с.

СРГК – *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

Срезневский – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письмен-

ным памятникам: в 3 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1912.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–). М.: Л.; СПб.: Наука, 1965. Вып. 1–.

ССГ – *Словарь смоленских говоров*: в 11 вып. / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. Смоленск: СГПИ / СГПУ, 1974–2005.

ТСЛРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

ЭМТЭ – *картотека фольклорных и этнографических материалов Топонимической экспедиции Уральского федерального университета* (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ЯОС – *Ярославский областной словарь*: в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1990.

Список литературы

Адоньева С. В. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Амфора, 2004. 312 с.

Березович Е. Л., Леонтьева Т. В. Наветка как форма символического осуждения // *Живая старина*. 2016. № 2(90). С. 49–52.

Березович Е. Л., Леонтьева Т. В. НАМЕК в диалектной лингвокультурной среде: жанровая разновидность частушек и лексические репрезентации понятия // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 47. С. 5–27.

Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2011. 936 с.

Еремина М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в лексике русских народных говоров: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 244 с.

Еремина М. А., Леонтьева Т. В., Щетинина А. В. Галерея лингвистических портретов социальных типажей / отв. ред. Т. В. Леонтьева. Екатеринбург: Ажур, 2018. 332 с.

Зверева Ю. В. Наименования человека по отношению к браку в пермских говорах // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2013. Вып. 1(21). С. 28–36.

Толстая С. М. Слав. *svoj: семантика и аксиология // *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury*. Lublin, 2008a. Т. 20. S. 29–38.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008б. 528 с.

References

Adon'eva S. V. *Pragmatika fol'klora* [Folklore pragmatics]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, Amfora Publ., 2004. 312 p. (In Russ.)

Berezovich E. L., Leont'eva T. V. NAMEK v dialektnoy lingvokul'turnoy srede: zhanrovaya raznovidnost' chastushek i leksicheskie reprezentatsii ponyatiya [HINT in dialect linguocultural environment: folklore genre and lexical representations of the notion]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2017, issue 47, pp. 5–27. (In Russ.)

Berezovich E. L., Leont'eva T. V. Navetka kak forma simvolicheskogo osuzhdeniya [Navetka as a form of symbolic disapproval]. *Zhivaya starina* [Living Past], 2016, issue 2(90), pp. 49–52. (In Russ.)

Eremina M. A. *Leksiko-semanticheskoe pole 'Otnoshenie cheloveka k trudu' v leksike russkikh narodnykh govorov: etnolingvisticheskiy aspekt*. Dis. kand. filol. nauk [Lexico-semantic field 'Human attitude to work' In Russian dialectal lexis: ethnolinguistic aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2003. 244 p. (In Russ.)

Eremina M. A., Leont'eva T. V., Shchetinina A. V. *Galereya lingvisticheskikh portretov sotsial'nykh tipazhey* [Gallery of linguistic pictures of social models]. Ed. by T. V. Leont'eva. Ekaterinburg, Azhur Publ., 2018. 332 p. (In Russ.)

Gura A. V. *Brak i svad'ba v slavyanskoy narodnoy kul'ture: semantika i simbolika* [Marriage and wedding in Slavic folk culture: semantics and symbolism]. Moscow, Indrik Publ., 2011. 936 p. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshch斯拉vianskoy perspective* [Word space. Lexical semantics in common-Slavic perspective]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 528 p. (In Russ.)

Tolstaya S. M. Slav. *svoj: semantika i aksiologiya [The Slavic root *svoj- '(one's) own: its semantics and axiology]. *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury* [Ethnolinguistics. Problems of Language and Culture], 2008, issue 20, pp. 29–38. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. Naimenovaniya cheloveka po otnosheniyu k braku v permskikh govorakh [Man nomination in the aspect of marriage in Perm dialects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2013, issue 1(21), pp. 28–36. (In Russ.)

**REFLECTION OF LOVE RIVALRY IN DIALECT LEXIS
(Based on Examples from the Russian North Dialects)**

Yana V. Malkova

Research Assistant in the Toponymic Laboratory

of the Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

51, Lenina prospekt, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation. yana-malkova@list.ru

SPIN-code: 2391-6261

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3511-0878>

ResearcherID: P-8937-2018

Submitted 25.08.2019

The article deals with language representation of such psychological and social scenario as love rivalry. Dialectal lexical items observed on the territory of the Russian North are taken as the material for the research. Particular attention is given to semantic and motivational aspects in the analysis of the chosen language facts. Furthermore, contextual analysis of couplet texts concerned with the topic under study is performed. The author notes axiological load of the notion of love rivalry in traditional society as compared to the state of language in modern cities, where competitions in sports and politics are the leading forms of opposition. There is observed a wide nominative prominence of a subject as a component of the prototype situation of rivalry, with the dominance of lexical items rendering the 'love rivaless' definition. Such gender modification is explained through the passive role of women in the country society in terms of the love choice. This state of affairs in traditional society makes girls get engaged into the battle for bachelors. Motivational analysis shows that the inner form of lexical items under research mainly consists of the characteristics of behavior typical of rivalesses (brusqueness, violence, etc.). Rivalry is also conceptualized through spatial images, namely an important part is given to the idea of 'hostile' loci ('opposite', 'against something'). Love rivalry often acts as a topic for folk pieces. Couplet texts present a unique social model of a girl engaged into the battle for a bachelor. Folk perception credits the love rivaless with a particular appearance, character and features of behavior.

Key words: dialect lexis; semantics; motivology; contextual analysis; ethnolinguistics; Northern Russian dialects; folk axiology; love rivalry lexis.